

Утром, по дороге в город, Вэнь Ецай и правда перекинулся с Бай Пином парой слов. Тот поинтересовался, как обстоят дела у Юй Шанчжи, и Вэнь Ецай честно рассказал. В конце концов, во всей деревне именно с Бай Пином у него были самые близкие отношения, да и по возрасту они были почти ровесники.

А упомянув, что Юй Шанчжи уже успел проверить пульс у Санъя, он, надо признаться, не удержался и похвастался немного. В нынешние времена лекарей днём с огнём не сыщешь — а у него дома вот теперь будет свой.

Кто бы мог подумать, что уже к ночи случится такое. Вэнь Ецай внутренне корил себя: выходит, он сам втянул Юй Шанчжи в это. Но, когда на кону чья-то жизнь, оставаться безучастным он не мог.

И всё же некоторые вещи надо было прояснить заранее. Иначе, если из добрых побуждений выйдет беда, потом хоть десять ртов имей — не отмоешься.

— Брат Ху, брат Пин, — сказал он серьёзно, — утром я кое-что не сказал, а сейчас уже нельзя не упомянуть. У Шанчжи глаза после ранения... до сих пор толком не видят. Но пульс у Санъя он вчера прощупал — и сделал всё как надо. Если вы ему доверяете, тогда проходите в дом, а я пока сбегаю за ним.

Ху Дашу с Бай Пином остолбенели. В деревне и без того никто по-настоящему не знал, на что способен Юй Шанчжи как лекарь, а теперь ещё выяснилось, что тот почти ничего не видит...

Сомнения, как тень, легли между ними. Можно ли в таком состоянии лечить людей?

Они переглянулись, не зная, что сказать, и вдруг ребёнок в руках Бай Пина снова судорожно дёрнулся, ещё сильнее, чем прежде. Бай Пин в панике вцепился в рукав Ху Дашу, тот глянул на него, с силой провёл ладонью по лицу, словно смывая все колебания, и решительно сказал:

— Сейчас полночь, и кроме Юй-ланчжуна помочь некому. Мы верим!

Услышав это, Вэнь Ецай сразу же кивнул:

— Тогда, брат Дашу, веди брата Пина с ребёнком в дом, присядьте пока, я сейчас за ним сбегаю.

И, чтобы не подумали, будто он относится к делу спустя рукава, добавил:

— Шанчжи и сам болен, выпил лекарство и уже лёг спать.

Ху Дашу с Бай Пином это знали, и, раз уж приняли решение, теперь сомневаться было поздно.

Они отдались происходящему целиком, как в омут — с головой.

К этому времени проснулась и Вэнь-эрню — шум за окном вырвал её из сна. Потягиваясь и зевая, она вышла и, поняв, в чём дело, удивлённо распахнула глаза: Ху Дие, гер семьи Ху, ведь только недавно родился — она и сама держала его на руках.

Все вместе поспешили в главный зал, неся малыша. Вэнь Ецай чувствовал себя крайне неловко, но выбора не было — стиснув зубы, он всё же откинул занавес в заднюю комнату. На его удивление, Юй Шанчжи уже проснулся.

Он и без того спал чутко, особенно сейчас, когда тело было ослаблено болезнью — тревожный сон становился и вовсе рваным. После всего этого шума — лающий пёс, голоса за окном — невозможно было не проснуться. Правда, разговоры были слишком далеко, чтобы разобрать слова. Когда Вэнь Ецай вошёл, Юй Шанчжи уже, опершись на подушку, поднялся и сидел, прислушиваясь.

— Что там случилось? — спросил Юй Шанчжи, стараясь подняться, но от резкого движения в висках болезненно запульсировало.

Вэнь Ецай, увидев, как побледнело его лицо, вдруг остро осознал, насколько правы были его покойные родители, когда ругали за излишнюю поспешность и прямолинейность. Он и правда повёл себя опрометчиво. Но времени на сожаления не было — люди ждали. Подойдя ближе, он быстро и вполголоса пересказал суть случившегося.

Юй Шанчжи уже по первым словам понял, насколько серьёзно всё обстоит. Его лицо тут же потемнело, он резким движением откинул одеяло и сказал:

— Похоже на фебрильные судороги из-за высокой температуры. Это может стоить жизни! Немедленно — пусть несут ребёнка, ни в коем случае нельзя медлить!

Тон его был твёрдым, и Вэнь Ецай тут же ощутил, как тревога накрыла и его с головой. Он быстро помог Юй Шанчжи встать, накинул ему верхнюю одежду и, не теряя времени, позвал Вэнь-эрню, чтобы та принесла аптечку.

Сам же кинулся за кресалом, высек огонь и зажёл лампу на столе. Масляные лампы в доме берегли — масло стоило дорого, и одна ночь горения оборачивалась немалыми расходами. В крестьянских семьях обычно ложились с заходом солнца, и такой роскоши себе не позволяли. Но сегодня — не тот случай. При одном только лунном свете ничего было бы не разглядеть.

Услышав, что Юй Шанчжи согласился лечить, Ху Дашу с Бай Пином с облегчением, но в панике внесли ребёнка в комнату.

Юй Шанчжи уже сидел на поставленной к постели табуретке. На плечи наброшена верхняя

одежда, волосы, некогда аккуратно собранные, теперь чуть растрёпаны, с прядями, спадающими на лоб и виски — след сна, прерванного тревогой ночи. В этот момент Юй Шанчжи выглядел особенно измождённым и слабым: полураспущенные волосы, усталое лицо, ночная одежда небрежно накинута поверх. Но стоило ему заговорить, как голос зазвучал твёрдо, с безапелляционной уверенностью, от которой невольно хотелось подчиниться.

— Быстро, положите ребёнка, — скомандовал он, указав на постель.

Пальцами нащупав свёрток, он сразу добавил:

— Развяжите пелёнки, оставьте немного раскрытым — нельзя, чтобы его запарило.

Пока они разворачивали малыша, он быстро растёр ладони, чтобы разогреть, и коснулся тела ребёнка, проверяя температуру. Ни о каком градуснике, конечно, речи быть не могло — всё зависело от чутья и опыта лекаря.

— Какие симптомы? Когда всё началось? Говорите точно, не упуская деталей.

Но Бай Пин только плакал, не сводя глаз с младенца, не в силах заговорить. Тогда Ху Дашу дёрнул его за рукав, и тот, словно очнувшись, торопливо заговорил:

— Днём ещё всё было нормально. Когда дождь закончился, я дал ему немного козьего молока, но он сразу срыгнул, сильно заплакал. А к ночи у него началась лихорадка. Только что вдруг начал дёргаться, глаза остекленели, а изо рта пошла белая пена. Мы поняли, что дело плохое, но где ночью найти лекаря?..

Юй Шанчжи, хоть и не видел, сразу понял по жару под рукой — тело младенца было словно в огне.

— Сегодня прошёл ливень, — сказал он, — скорее всего, подхватил простуду и на этом фоне поднялась высокая температура. Сейчас главное — выпустить кровь, сбить жар и остановить судороги. А уж завтра, с утра, можно будет подобрать нужные травы и лекарство.

В комнате собралось немало людей, но центром внимания, словно камнем, удерживающим всех на месте, оставался Юй Шанчжи.

Услышав его слова, Вэнь Ецай сразу спросил:

— Нужно что-нибудь приготовить?

Юй Шанчжи не стал церемониться:

— Открой ящик с лекарствами, достань футляр с иглами. Принеси таз с водой. И главное — все серебряные иглы нужно прокалить огнём.

Вскоре Вэнь-эрню вернулась со двора с тёплой водой. Юй Шанчжи омыл руки мыльным корнем, затем тщательно вытер насухо и попросил Бай Пина поднести ребёнка поближе.

Вэнь Ецай держал лампу и аккуратно вынул из игольного футляра одну из игл. Прокалив её в пламени, он бережно передал её Юй Шанчжи.

Трое взрослых и маленькая Вэнь-эрню стояли в немом напряжении, затаив дыхание, не отрывая взгляда от тончайшего кончика серебряной иглы. Юй Шанчжи выглядел слишком надёжным, слишком уверенным — настолько, что ни у кого даже не возник вопрос: как слепой человек собирается вводить иглы?

Но на деле для Юй Шанчжи это не составляло труда. Он с детства учился искусству акупунктуры и знал тело человека так, будто держал перед глазами анатомическую карту. Ему не нужно было видеть: он умел определять расположение точек даже с закрытыми глазами. И взрослые, и дети — все были у него под рукой сотни раз, всё отработано до мельчайших движений.

Когда он видел, ему хватало одного взгляда, чтобы точно определить, где находится нужная точка. Теперь, утратив зрение, он работал по-другому — пальцами измерял расстояния, проверял линии, находил нужное с такой же безошибочной точностью.

При высокой температуре, вызвавшей судороги, требовалось применить метод кровопускания через точки Шисюань — "десять кончиков". Это десять точек, расположенных на самых кончиках пальцев рук, по одной на каждом.

Иглы нужно было вводить в строгом порядке — от большого пальца к мизинцу, поочерёдно. «Десять пальцев связаны с сердцем» — говорится в народе. Как же тут не почувствовать боль? Но у маленького Дие-гера жар был так высок, что на крик у него уже не оставалось сил. Его крохотное тело изнывало от жара, а голос — будто сгорел внутри.

Когда игла вошла в первую точку, Бай Пин не решился даже смотреть. Будто это не в подушечку пальца младенца вонзили серебро — а прямо в его сердце. Ху Дашу стоял рядом, обняв дрожащего супруга, стараясь его утешить. Он был главой семьи, мужчиной, и не имел права показывать слабость. В полумраке, при тусклом свете лампы, он внимательно следил за действиями Юй Шанчжи — и в этом взгляде было не только беспокойство, но и остатки недоверия.

Сегодняшнее решение — передать ребёнка в руки этого человека — было продиктовано не уверенностью, а отсутствием других вариантов. Даже если бы они в ту же минуту рванули в соседнюю деревню за знахарем или мчались в город за настоящим доктором, доехать бы, скорее всего, не успели — малыш не дождал бы до помощи.

Герам рожать и так нелегко. Только спустя три года после свадьбы Бай Пин смог выносить своего первенца-гера. Его свекровь была недовольна, каждый день дома срывала злость на нём, отводя душу в упрёках и тяжёлых взглядах. А у гера молоко не приходило. Если в семье были средства — покупали козье молоко или заводили козу, чтобы доить прямо дома. А кто победнее — тем оставалось кормить рисовым отваром или жидкой кашницей.

В семье Эр-чжу из соседней деревни держали коз, и все геры из деревни, родившие младенцев, ходили именно к ним — выменивать молоко. Но каждый раз, когда удавалось купить немного козьего молока, в доме тут же разгоралась очередная буря: крики, упрёки, скандалы. Мать Ху Дашу то и дело отпускала колкие фразы: мол, всего лишь гер, в конце концов всё равно выйдет замуж, уйдёт в чужой дом — сплошной убыток, зачем столько тратиться, чтобы кормить этого «молочного дармоеда»?

В последнее время Ху Дашу только и делал, что сдерживал раздражение. Он уже твёрдо решил: когда Сяо Дие подрастёт, заберёт супруга и ребёнка и отделится от семьи.

И как назло — именно в этот момент малыш тяжело заболел. Деньги? Деньги не так уж важны. Они с Бай Пином молоды, здоровы, немного накоплений есть. Больше всего он боялся не потерь, а того, что спасти ребёнка не удастся.

Но с каждым мгновением, наблюдая за тем, как действует Юй Шанчжи, в нём вдруг начала просыпаться надежда. Этот молодой лекарь, пришедший со стороны, хоть и не смотрел ни на кого, его глаза оставались пустыми, но движения были поразительно точными и отточенными. Иглы вонзались в крохотные подушечки пальцев ребёнка почти невесомо — точно стрекоза, касающаяся воды. Не успеешь и глазом моргнуть — всё уже сделано.

Из проколов проступала кровь, впитываясь в старую ветошь. Вэнь Ецай аккуратно принял её и бросил в стоящий в стороне таз с водой. Проколы на кончиках пальцев были крошечные, крови выходило немного, и спустя короткое время она останавливалась сама, без всякого прижатия.

Юй Шанчжи с облегчением выдохнул и спокойно произнёс:

— Кровопускание завершено. Теперь нужно немного понаблюдать. В комнате прохладно, её надо прогреть. После — ввести ещё одну иглу.

— Это несложно, — сразу откликнулся Вэнь Ецай. — Я сейчас принесу жаровню.

Сань-я с рождения был слабым и зябким, и даже весной в доме всё ещё держали запас древесного угля. Только у семьи, где кто-то постоянно болел, могли быть подобные запасы. В обычных крестьянских домах даже в разгар зимы уголь — редкость, роскошь, на которую не каждый мог позволить себе потратиться.

Жаровню принесли довольно быстро — в медном тазу лежали красные, живые угли, дававшие мягкое и устойчивое тепло. Вэнь-эрню, укутанная в верхнюю одежду, быстро захлопнула

входную дверь, чтобы не тянуло, а затем велела Эрвану лечь у порога, где в щель мог проникать ветер. В тот же миг даже последняя струйка ночного холода осталась снаружи.

Температура в комнате заметно поднялась, с Дие-гера сняли верхнюю одежду, чтобы не перегревался. При высокой температуре у маленьких детей, помимо точек Шисюань на пальцах, часто прибегают к стимуляции Дачжуй и Цюйчи — двух важных точек на теле.

Цюйчи находится на внешней стороне руки, в точке сгиба локтя — если согнуть руку под прямым углом, точка окажется на краю складки. Дачжуй — в области шеи, под седьмым шейным позвонком, его можно нащупать, если наклонить голову вперёд и найти первую выступающую кость, а затем — небольшое углубление под ней.

Юй Шанчжи уверенно нашёл нужные точки и молниеносно ввёл иглы — чётко, быстро и без колебаний. Игла вошла так стремительно и точно, что Дие-гер даже не успел надуть губы, чтобы заплакать — укол уже был позади.

У детей низкая степень сознательного подчинения, особенно в лихорадочном бреде, да и случай был неотложный, поэтому Юй Шанчжи не стал оставлять иглы надолго. Спустя несколько мгновений он аккуратно извлёк обе серебряные иглы.

Бай Пин среагировал мгновенно — пока малыш не начал капризничать, быстро надел на него одежду и укутал в одеяльце. Затем взял платок и бережно вытер слёзы в уголках глаз и следы пены у рта и носа. Маленький Дие-гер слегка пошевелил рукой — дыхание стало ровнее, движения — спокойнее. Температура, конечно, не могла упасть мгновенно, но судороги прекратились, и ребёнок, тихо сопя, мирно устроился у папы на руках.

Юй Шанчжи сжал пальцами виски и, собрав последние силы, сказал:

— Этой ночью вам лучше остаться здесь. Никуда не ходите — нельзя, чтобы ребёнка продуло. Если дома есть вино — принесите немного, разотрите ему ладони и ступни. Если всё пойдёт как надо, жар спадёт в течение часа.

Сказав это, он будто что-то вспомнил и сделал знак Вэнь Ецаю подать ему ящик с лекарствами. По памяти он знал, что в ящике, доставшемся от прежнего владельца, хранилось немало уже приготовленных пилюль — их оставил старый лекарь, прежде владевший этим набором.

На каждой бутылочке была приклеена тонкая бумажная полоска с названием снадобья. Но увы — в доме никто не умел читать, и потому Юй Шанчжи пришлось открывать каждую поочерёдно, понюхать, различая состав по запаху. Наконец он нашёл нужный флакон, высыпал одну пилюлю себе на ладонь, и Вэнь Ецай, бережно приняв её, передал в руку Ху Дашу с крайней осторожностью, словно это была последняя капля надежды.

— Это Тайцзи-ван, — пояснил Юй Шанчжи спокойно. — Через полчаса растворите его в тёплой воде и дайте ребёнку выпить.

Он добавил:

— У меня под рукой нет свежих трав, рецепт можно будет собрать только завтра, когда вы поедете в город. Но Тайцзи-ван подходит по симптомам, потому не затянем с лечением.

Ху Дашу с тысячей благодарностей принял драгоценную пилюлю, встретился взглядом с Бай Пинем — у обоих глаза покраснели. Внутри они уже знали: ребёнка удалось спасти. Ранее, с головами, взмокшими от горячего страха, они и представить не могли, что этот бледный, слепой лекарь окажется столь надёжным. Сейчас же ни малейшего сомнения не осталось. Даже если бы они отправились в город, к дежурному доктору в медицинском зале, тот вряд ли справился бы лучше.

От нахлынувших чувств их обоих потянуло на колени — едва не рухнули перед Юй Шанчжи со словами благодарности. Но Вэнь Ецай испуганно окликнул:

— Брат Ху, брат Пин, вы что творите?!

После долгих уговоров обоим всё же удалось не доводить дело до поклонов.

С ребёнком теперь было всё в порядке, главное — пережить ночь. Вэнь Ецай, заметив, как побледнел Юй Шанчжи, понял, что тому едва хватает сил. После коротких раздумий он сразу принял решение:

— Всё как Шанчжи сказал. Брат Пин, оставайся этой ночью с ребёнком здесь. Раз уж нельзя выносить на холод, пусть спит прямо в этой комнате — жаровня горит, тепло хорошее, не замёрзнет.

Бай Пин поначалу рефлекторно возразил:

— Как можно! Это ведь ваша... новобрачная комната!

В деревне, пусть и без лишней пышности, всё было по-своему строго. Раз уж Юй Шанчжи вступил в дом Вэнь, значит, с этого дня он считался частью семьи — а эта комната, пусть без свадебных церемоний и пира, всё равно считалась новой супружеской. Во многих бедных семьях и вовсе не справляли свадьбы: выбирали подходящий день, съезжались — и считалось, что брак состоялся.

Вэнь Ецай, разумеется, не мог объяснять, что между ним и Юй Шанчжи пока ничего не было. Он только придал лицу строгое выражение и сказал:

— Что значит "не положено"? Дие-гер ведь ещё совсем малыш. Его только что с того света вытащили — тут нельзя ни в чём рисковать, ни на шаг.

Вэнь-эрню была сообразительной девочкой и давно хорошо ладила с Бай Пином, потому тоже подключилась к уговорам. В конце концов Ху Дашу, поняв, что отступить некуда, первым принял решение:

— А-Пин, Цай-гер и Юй-ланчжун говорят по делу. Всё это ради ребёнка. Оставайся тут с Диегером спать, а я сбегаю домой, принесу тот недопитый праздничный кувшин — как раз остатки с Нового года, — вино для растирания пригодится.

Бай Пин, привыкший слушаться мужа, кивнул, но сразу напомнил:

— Возьми ещё постель с собой. Мы и так уже заняли их комнату, не дело ещё и на их постели спать.

Ху Дашу тут же закивал, затем повернулся к Юй Шанчжи:

— Юй-ланчжун, скажите, сколько за приём и лекарства — я сейчас домой сбегаю, всё принесу.

Юй Шанчжи отмахнулся:

— Сейчас не до того. Когда с ребёнком всё будет надёжно — тогда и поговорим, не поздно будет.

Ху Дашу был человеком простым, честным. Он ничего не сказал в ответ, только глубоко запомнил эту доброту. Деньги за приём и лекарства у него были — и он уже решил: вернётся домой, сразу прихватит с собой кошель.

На сборы и дорогу ему требовалось немного времени. А пока Вэнь-эрню, у которой от всех переживаний и хлопот сон совсем улетучился, тут же вызвалась остаться с Бай Пином:

— Я побуду с братом Пином, и с постелью помогу.

Она знала, когда и что сказать — умела подхватывать настроение. Видела, как её старший брат всё чаще и чаще косится на Юй Шанчжи, лицо напряжённое, будто не находит себе места. И правда, как только она произнесла это, Вэнь Ецай слегка замер, перевёл дыхание, а потом тихонько дёрнул Юй Шанчжи за рукав:

— Раз так... тогда, может, ты и я пойдём спать в восточную комнату?